

Роберт Коломайнен
Петрозаводск

**«Калевала» в контексте
мировой литературы**

Охарактеризовать «Калевалу» в контексте мировой литературы — значит показать, какие идейно-художественные факторы и творческие практики, закономерные для литератур разных стран, вызвали к жизни великий эпос. Они определили его художественный облик и повлияли на его активное восприятие и интерпретацию многими поколениями читателей и литераторов вплоть до наших дней. Ведь «Калевала» отнюдь не осталась литературным памятником трех десятилетий XIX в., на протяжении которых в творческом сознании Элиаса Леннрота выкристаллизовывались пять версий эпоса.

Прежде чем начать с генетического аспекта темы, уясним природу «Калевалы» с точки зрения поэтики. «Калевала» — это лиро-эпическая поэма Элиаса Леннрота, созданная им на основе фольклорного материала — финского и карельского — самых разных жанров. Именно проникновенный лиризм отличает «Калевалу» от других великих мировых эпосов. Он же становится камнем преткновения для тех исследователей, для которых первостепенна «чистота» эпического стиля.

Эпос «Калевала» родился в лоне европейской литературы, в идейной и художественной атмосфере, сформированной эпохой романтизма в истории западной литературы. Именно романтизм исторически определил художественную идеологию, необходимую для создания эпоса такого рода, как «Калевала». Национальная идея романтиков, их понимание народного характера и взгляд на поэзию как глубокое выражение души народа были восприняты Леннротом. Он разделял и представление романтиков об исключительной важности исторического бытия народа.

Творческая позиция автора «Калевалы» формировалась и под эстетическим воздействием таких шедевров мировой литературы, как «Илиада» и «Одиссея». Он разделял теорию немецкого ученого Ф. А. Вольфа о происхождении древнегреческих эпосов. Вольф считал, что некий оставшийся неизвестным грамотный афинянин записал эти эпосы в шестом веке до нашей эры, скомпоновав их из песен, бытовавших в устном исполнении. Леннрот решил поступить так же и создать эпос на основе финского и карельского фольклора.

Впрочем, некоторые современники Леннрота тоже сознавали подобную возможность литературно-художественного «переформатирования» финского и карельского фольклора. Так, например, Готтлунд писал в 1817 г.: «Если захотеть собрать старые народные песни и сложить из них системное целое, будь то эпос, драма или что угодно другое, то может родиться новый Гомер, Оссиан или „Песнь о Нибелунгах“».

Таким образом, «Калевала» рождалась под знаком сознательной идейно-эстетической ориентации на шедевры мировой литературы и модель эпического творчества, реконструированную в гипотезе Вольфа (1795 г.). Влиянием мировой литературы объясняется и то, что фольклорный материал отлился в творчестве Леннрота в форму грандиозной, стройной и целостной по своему сюжету поэмы. В народной поэзии существовали так называемые мини-эпосы, как, например, эпос, рассказывающий о Сампо. Однако ни по своему сюжету, ни по лишенной индивидуализации манере изображения действующих лиц эти мини-поэмы не могли сравниться с поэмой Леннрота.

Генетическая связь «Калевалы» с мировой литературно-художественной практикой проявляется и в таком качестве эпоса, как интертекстуальность. Интертекстуальность определяется как внутренние связи текста, обращенные внутрь культуры, к самому себе и другим текстам. Наиболее зримо эти связи выступают как прямые или скрытые цитаты, заимствование сюжетов, мотивов, деталей.

Так, например, роман Пушкина «Евгений Онегин» при всей своей оригинальности («энциклопедии русской жизни») соотносится с романом «Адольф» французского писателя Бенжамина Констана. Анна Ахматова отмечала, что романтический герой Констана был одним из литературных прототипов Онегина. «Герой нашего времени» Лермонтова вписывается в литературную традицию английского колониального романа.

Надо понимать, что интертекстуальность – глобальная характеристика мировой культуры и словесного творчества. Согласно Барту, интертекстуальность является необходимой предпосылкой всякого текста, и ее нельзя сводить к вопросу об источниках и влияниях. Интертекстуальность никоим образом не умаляет художественного своеобразия литературного произведения.

В случае «Калевалы» интертекстуальность предстает, на первый взгляд, как сплошные цитаты из карельского и финского фольклора. По подсчетам Вяйне Кауконена, 33 процента строк «Калевалы» – это буквальное воспроизведение строк народной поэзии, 50 процентов –

несколько «улучшенные» Леннротом строки, 14 процентов образованы им из народно-поэтических элементов и только 3 процента сочинены им самим. Эти последние строки возникли в процессе творческого синтеза фольклорных компонентов и формирования художественных структур разных уровней в поэме.

На этом основании «Калевалу» часто механически отождествляют с народным фольклором, что совершенно неправильно. Ведь в «Калевале» элементы народных рун выступают в совершенно новом окружении или контексте и образуют качественно новое художественное целое. Как произведения мировой литературы вообще, так и «Калевалу» можно характеризовать и с точки зрения психологии творчества. Психологи утверждают, что новое произведение — это новая комбинация элементов старых систем и что разрушение старых систем (в нашем случае народных рун) и образование новых из их элементов, или комбинирование, является фундаментальным механизмом творческой работы.

Действительно, Леннрот подверг фольклорный материал деконструкции. Он разложил фольклорные произведения разных жанров на элементарные структурные единицы — строки, чтобы создать из этих «кирпичиков» новые художественные структуры в составе своей грандиозной поэмы. Деконструкцию, как стадию процесса создания «Калевалы», можно сравнить с работой лексикографа над фразеологическим словарем. Лексикограф извлекает фразеологизмы из конкретных текстов и включает их в словарь. Изъятые из первоначальных текстов, они готовы к дальнейшему употреблению как автономные и самостоятельные языковые единицы.

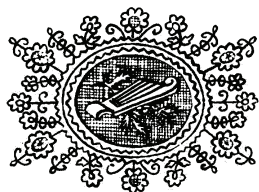
Но Леннрот поступает как поэт, он использует эти фольклорные «фразеологизмы» как художественно-образительные единицы для воплощения своего поэтического замысла, создания эпоса.

Далее, рассматривая «Калевалу» в связи с мировой литературой, мы замечаем, что, подобно многим ее произведениям, «Калевалу» тоже можно читать как так называемое серийное произведение. Это понятие современной эстетики, в нем обобщена весьма распространенная практика создания и прочтения литературных произведений. После эпохи Леннрота широкая публика вплоть до последнего времени знала «Калевалу» только по полному изданию 1849 г., потому что другие издания были ей недоступны. Отныне, с выходом в свет других изданий «Калевалы», она имеет дело с так называемым «калевальским процессом» (многолетняя творческая работа Леннрота над созданием эпоса) и порожденной им серией, или пятью версиями «Калевалы».

Итальянский ученый Умберто Эко утверждает, что существует эстетика серийных форм. В нашей серии эпосов интерес представляют не столько пять версий эпоса как таковые, сколько само варьирование как принцип создания художественной формы, диалектика повтора и инновации в движении от одной версии к другой. В этом смысле мы можем говорить о новом, даже постмодернистском прочтении «Калевалы». В соответствии с концепцией Эко, опыт прочтения нового текста предполагает знакомство с предыдущим текстом. Подобно опытному читателю (в отличие от «наивного») мы знаем, что каждый текст «Калевалы» соотносится не с реальным миром как таковым (соответствующей «Калевале» реальности просто никогда не существовало), а с другими версиями эпоса.

К новому опыту прочтения «Калевалы» примыкает известный из мировой литературы феномен римейка. Вышло в свет много вариантов «Калевалы», созданных разными лицами. Эти тексты, разумеется, нельзя соотносить с именем Элиаса Леннрота. Пожалуй, наиболее известный из них – опубликованная О. В. Куусиненом в 1949 г. (им же составленная) композиция из рун леннротовской «Калевалы». Хотя со взглядом Куусинена на природу «Калевалы» и роль Леннрота нельзя согласиться, его композицию «Калевалы» можно рассматривать как римейк. В данном случае не имеет значения то обстоятельство, что он и не подозревал о той более или менее художественной практике создания римейков, которая так распространилась в наше время.

Эпос «Калевала» живет в лоне мировой литературы полнокровной жизнью и ныне популярного литературного произведения.

Merja Leppälahti
Suomi

Ei sanat salahan joua
Kalevala suomalaisessa nykykirjallisuudessa

Kalevala oli aikoinaan suomalaisille «kansallisuuden ja kielen tunnuskuva, jonka varaan heiveröistä suomalaista identiteettiä alettiin rakentaa» [Honko 1999: viii.]. Sen jälkeenkin Kalevalassa on nähty paljon erityistä: sen on arveltu